

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А.Ф. ЛОСЕВ. **Николай Кузанский в переводах и комментариях** / Отв. ред., сост., вступит. статья, подгот. текста, коммент. Е.А. Тахо-Годи. М.: ЯСК, 2016. Т. 1. 728 с., Т. 2. 520 с.

Творчество А.Ф. Лосева — «последнего представителя Серебряного века» — является предметом серьезного и пристального изучения во всем мире. Но особенно стоит отметить работу, которая ведется в России по критическому изданию сочинений мыслителя, прежде всего, его архивных текстов. Несмотря на то, что много книг, статей и переводов Лосева было опубликовано еще при его жизни, не все они могут рассматриваться как источники в прямом смысле этого слова, прежде всего потому, что зачастую печатались с купюрами, цензурскими и редакторскими правками и даже — как в случае с переводами Николая Кузанского 1937 г. — без указания фамилии Лосева как переводчика. Тем большую ценность представляют новейшие публикации лосевских работ.

Рецензируемая книга — уникальное издание всех текстов Лосева, посвященных Николаю Кузанскому. Только некоторые из них, к примеру, лосевские переводы 1979—1980 гг. трех трактатов немецкого кардинала («О неинном», «Об уме», «О бытии возможности») были до сих пор доступны читателям, а также ряд комментариев 1930-х гг., публиковавшихся на страницах журнала «Вопросы философии» в 2013—2016 гг. О глубине и широте интереса Лосева к жизни и творчеству Кузанца и средневековой философии свидетельствует уже тот факт, что настоящее издание состоит из двух томов, общим объемом свыше тысячи страниц. Сам Лосев не дождался публикации всех своих текстов. Поэтому, «стремясь восстановить историческую справедливость», редактор книги Е.А. Тахо-Годи собрала в издании «всё то, что переводил из Кузанца, и всё, что писал — о Кузанце и антично-средневековой диалектике, о Кузанце и Возрождении, о Кузанце и новейшей немецкой философии — в разные годы своей долгой жизни Алексей Федорович» (т. 1, с. 19), памятуя о том, что «полное и абсолютно адекватное представление о лосевском понимании текстов Николая Кузанского и об эволюции этого представления, к сожалению, вряд ли возможно, потому что... тексты дошли до нас фрагментарно из-за ареста автора в 1930 г. и из-за бомбежки 1941 г., уничтожившей лосевскую квартиру на Воздвиженке, а вместе с ней и большую часть его личного архива» (т. 1, с. 22).

Первый том, помимо «Введения в тему», куда входят три статьи 1960—1970-х гг. — «Неоплатонизм», «Ареопагитика» и «Николай Кузанский», состоит из четырех разделов. Первый раздел, объединивший лосевские тексты о Николае Кузанском 1920-х гг., не что иное, как

попытка реконструкции книги «Николай Кузанский и средневековая диалектика», утраченной из-за ареста автора в 1930 г. Теперь становится очевидна эволюцию лосевского замысла — от первоначально небольшого предисловия 1929 г. к переводу трактата Николая Кузанского «О неинном» («Исторический контекст трактата Николая Кузанского “О неинном”») к обширному исследованию (вероятно, в него входили фрагменты, озаглавленные ныне «<Об историческом контексте трактата Николая Кузанского “О неинном”>» и «<Николай Кузанский и диалектический перво-принцип в антично-средневековой философии>»). Этот труд, исследуя диалектику первоединого, охватывал материал от Платона и Аристотеля, от Фомы Аквинского и знаменитого мистика Мейстера Экхарта до Николая Кузанского и включал в виде приложения трактаты Дионисия Ареопагита «О Божественных именах» и «Таинственное богословие», письмо Николая Кузанского о Дионисии Ареопагите 1453 г., «Силлогистические главы» Марка Эфесского и сочинение «О единстве» Доминика Гундсалина.

Во втором разделе 1 тома реконструируется задуманное в начале 1930-х гг., после возвращения из лагеря на Беломорско-Балтийском канале, издание трактатов Николая Кузанского *De non aliud*, *Idiota de mente*, *Triologus de possess* с подробными комментариями, полностью исключенными из выпущенного в 1937 г. издательством «Соцэпгиз» однотомника Николая Кузанского и долгое время считавшимися утраченными. Тексты Николая Кузанского даны в оригинале, на латинском языке и по-русски в осуществленном Лосевым впервые в европейской науке переводе на живой современный язык.

Третий и четвертый разделы тома — это дополнительные материалы и документы: тезисы и фрагменты 1920—1930-х гг., лосевский план издания классиков диалектики античной и средневековой философии, черновик титульного листа задуманного издания Николая Кузанского 1930-х гг., вступительные замечания к нему с редакторской правкой и три письма А.Ф. Лосева в «Соцэпгиз», в которых он среди прочего требовал (к сожалению, безуспешно) сохранить предложенные им заглавия, оставить комментарии к изданию, не вносить несогласованных правок в перевод и указать его фамилию как переводчика на титульном листе.

Во втором томе опубликованы переводы трактатов Николая Кузанского в разных редакциях — 1929, 1937 и 1979—1980-х гг., фрагменты

из книг Лосева разных лет — из «Истории эстетических учений», из «Сбмого самого», «Эстетики Возрождения», где затрагиваются вопросы латинской и византийской мысли Средневековья и Возрождения, апофатизма, диалектики и онтологии, или из незавершенной работы 1960-х гг. «Средневековая диалектика», также раскрывающей историю-философский контекст мысли Николая Кузанского — Дионисий Ареопагит, Иоанн Дамаскин, Эриугена, Абеляр и другие выдающиеся авторы. Воспроизведение различных вариантов переводов позволяет понять, на какие стилистические или смысловые моменты обращал внимание А.Ф. Лосев на разных стадиях своей работы, а все издание в целом дает возможность читателю проследить, каким образом развивался интерес Лосева к наследию Николая Кузанского на протяжении полувека.

Таким образом, тему — Николай Кузанский и средневековая диалектика — никак нельзя считать маргинальной в лосевском наследии. Теперь мы в полном объеме можем познакомиться с этим до сих пор неясным аспектом творчества Лосева — исследователя западной средневековой философии, сочетающего в себе историка и самостоятельного, оригинального мыслителя. Философ возвращался к ней на протяжении всей своей деятельности как в качестве переводчика, так и вдумчивого исследователя — аналитика и комментатора наследия Николая Кузанского. Приходится лишь удивляться самоотверженности мыслителя, обреченного на непонимание и интеллектуальное одиночество, который, несмотря на запреты цензуры, издательские ограничения, слепоту и другие жизненные препятствия, продолжал заниматься любимым делом.

Стоит подчеркнуть, что изучение Лосевым творчества немецкого кардинала является красноречивым доказательством того, что русский мыслитель обращался не только к восточно-христианской, но и западной философской и богословской традиции, представляя образец поистине универсального и беспристрастного ученого. Как пишет в предисловии Е.А. Тахо-Годи: «Казалось бы, что может быть общего между немецким гуманистом XV века, к тому же католическим кардиналом, и русским мыслителем XX столетия, да и еще и православным монахом, всегда критиковавшим возрожденческий гуманизм? Однако помимо банально-очевидного — любви к мысли, собственно к философии, — существовали и другие точки соприкосновения: неоплатоническая выучка, глубокое знание средневековой мысли, энциклопедический охват — от музыки до математики, строгость логики, виртуозность диалектики, умение взглянуть на сложнейшие проблемы взглядом богослова-простеца, который один способен увидеть в обыденном окружающем мире «сбмое саму» бытия» (т. 1, с. 14).

Кроме того, интерес Лосева к мыслителю позднего Средневековья был продиктован тем,

что эта эпоха расценивалась идеологами коммунизма как период мракобесия. Лосев, напротив, считал, что игнорировать достижения средневековой культуры, в частности диалектики, означает не понимать мысль Нового времени. Как метко отметил Лосев: «Производить диалектику от Гегеля — все равно, что производить астрономию от Лапласа, биологию — от Дарвина и химию — от Менделеева» (т. 1, с. 93).

Лосев показал, в чем заключается значение творчества Николая Кузанского, следующим образом: «Широкая публика всегда была склонна противопоставлять Средневековье и Новое время как два резко противоположных мира, между которыми нет ничего промежуточного... Николай Кузанский хочет быть средневековым философом. Его Абсолют самый неприступный, самый непознаваемый, максимально трансцендентный Абсолют, не арабский, не еврейский и даже не латинский, а самый настоящий византийский, Ареопагитский; недаром его сочинения пестрят цитатами из Дионисия Ареопагита. Но, можно сказать, здесь средневековый Абсолют в последний раз собрал воедино всю свою мощь. Эту самую крайнюю мистику Николай Кузанский хочет понять логически, превратить в диалектическое развитие понятий. Он продумывает до конца решительно все выводы, и притом выводы именно для человека, что как раз весьма неохотно делали в Средневековье» (т. 1, с. 681—682). Итак, Кузанец являл для Лосева тип человека Ренессанса, перехода от Средневековья к Новому времени, соединяющего в себе лучшие черты обеих эпох. Это «полное и мудрое равновесие, где все ценности, выведенные из Абсолюта для человека, еще не убили самого Абсолюта», «редчайший образец и прекраснейшее явление истории философии» (т. 1, с. 683—684). Именно по этой причине Николай Кузанский был так близок русскому мыслителю и с чисто исторической точки зрения, и с точки зрения его тончайшей диалектики, вобравшей в себя глубину византийской традиции и строгость западного философско-богословского аппарата.

В предисловии к двухтомнику подробно раскрыт контекст возникновения лосевских текстов о Николае Кузанском и средневековой схоластики в целом. Оно может рассматриваться как отдельное, весьма основательное исследование, отражающее взгляды русского философа и его жизненный путь. Особо стоит подчеркнуть, что Е.А. Тахо-Годи детально проанализировала учение о самости в творчестве Николая Кузанского и Лосева, отмечая, что последний симпатизировал «совершенно определенной линии в развитии богословской мысли, протянувшейся от Дионисия Ареопагита к Марку Эфесскому, далее к Паламе и так вплоть до имяславия начала XX столетия» (т. 1, с. 50), а также наметила параллели между учением Лосева и о. Павла Флоренского, о. Сергия Булгакова и С.Л. Франка. Указаны также все основные (хотя немногочисленные) исследования, посвященные восприятию Николая

Кузанского в творчестве Лосева, которые, к слову, появились только в XXI в.

Эта прекрасно изданная книга, несомненно, привлечет внимание многих читателей, особенно специалистов как по русской, так и по западной философии. Е.А. Тахо-Годи обозначила свою задачу – инициировать дальнейшие исследования проблемы «А.Ф. Лосев – Николай Кузанский». Не подлежит сомнению, что в ближайшем будущем появятся интересные работы, основанные на новоопубликованных текстах русского мыслителя.

DOI: 10.31857/S004287440004438-6

А.М. ДОНЕЦ. Сутра «Праджня-парамита восьмитысячная». Аштасахасрика Праджня-парамита Сутра. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. 400 с.*

Эта монография представляет собой перевод с тибетского языка выдающегося памятника философской мысли буддизма Махаяны «Аштасахасрика Праджня-парамита Сутры». Перевод снабжен обширными комментариями автора, глоссарием и предисловием. А.М. Донец, работающий ведущим научным сотрудником Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, на протяжении многих лет занимается исследованием философии Праджня-парамиты, обусловившей качественно новый этап развития буддизма в Индии и его распространения в странах Восточной и Центральной Азии. В своей исследовательской деятельности А.М. Донец уделяет большое внимание переводу буддийских текстов с тибетского языка на русский. В числе его работ следует отметить перевод сочинения выдающегося буддийского мыслителя Чандракирти «Мадхьямака-аватара» (Чандракирти «Введение в мадхьямику» (СПб.: Евразия, 2004); перевод тибетской версии «Вималакирти-нирдеша-сутры» («Сутра “Поучения Вималакирти”»). Улан-Удэ, 2005), представляющей квинтэссенцию Учения Махаяны. Им переведены также избранные места из «Пути Сутр и Тантр в тибетском буддизме» (Улан-Удэ, 2006); Избранные места переводов Нагарджуны из разных Сутр (Улан-Удэ, 2006); «Вопросы Сувикранта-викрамина», в котором дается объяснение Праджня-парамиты (Улан-Удэ, 2009). Кроме того, А.М. Донец переводит сочинения тибетских авторов, содержащих комментарии к сутрам Праджня-парамиты.

Ответственным редактором монографии «Праджня-парамита восьмитысячная. Аштасахасрика Праджня-парамита Сутра» является доктор философских наук С.П. Нестеркин, чьи научные интересы также касаются проблем философии Праджня-парамиты и ее текстов.

Тереза Оболевич (Краков, Польша)

Оболевич Тереза – Папский университет Иоанна Павла II, Краков, Польша.

Доктор философии (габил.), профессор, заведующая кафедрой философии религии Папского университета Иоанна Павла II.

Obolevitch Teresa – Pontifical University John Paul II, Kanoniczna 25, 31-002 Krakow, Poland.

Associate Professor, Head of the Chair of Philosophy of Religion and Vice-dean of the Faculty of Philosophy.

tereza.obolevich@upjp2.edu.pl

Большое внимание С.П. Нестеркин уделяет герменевтическим аспектам изучения буддийских текстов.

«Аштасахасрика Праджня-парамита Сутра» является самым ранним текстом из серии сутр Праджня-парамиты, в которых излагаются основные положения философии и сотериологии Махаяны. Этот текст, по сути, явился теоретическим обоснованием широкого пути спасения, провозглашенного Махаяной. Он сыграл важную роль в становлении принципов Махаяны в Индии, а также в распространении буддизма в Китае. В Тибете, где философское и сотериологическое направление развивалось в русле концепции мадхьямиков-прасангикиков, несмотря на то, что наиболее популярной была сутра «Абхисамаямалкара» из серии Праджня-парамиты, тем не менее большую значимость имела и «Аштасахасрика», которая рассматривалась в непосредственной связи с «Абхисамаямалкарой».

Время появления текстов Праджня-парамиты датируется рубежом нашей эры. Это время фактически совпадает с формированием махаянского направления в Индии и проникновением буддизма в Китай. Согласно классификации Э. Конзе, время создания праджня-парамитских текстов делится на четыре этапа: первый – создание основного текста Праджня-парамиты (около 100 г. до н.э. – около 100 г. н.э.); второй – расширение этого текста (100 – около 300 г.); третий – создание коротких сутр и развернутых комментариев (300–500 г.); четвертый – период тантрического влияния и соединения с магией (600–1200 г.). «Аштасахасрика Праджня-парамита Сутра» по этой классификации относится к периоду создания основного текста Праджня-парамиты.

С текстом «Аштасахасрика Праджня-парамита Сутры» познакомил европейского читателя

* Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.3. Комплексное исследование религиозно-философских, историко-культурных, социально-политических аспектов буддизма в традиционных и современных контекстах России и стран Центральной и Восточной Азии, номер государственной регистрации № АААА-А17-117021310263-7). The research was carried out within the state assignment of FASO Russia (“Comprehensive study on the religious, philosophical, historical, cultural, and sociopolitical aspects of Buddhism in the traditional and modern contexts of Russia, Central Asian and East Asian countries”).